Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

Distr.: General
11 June 2018
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Решение, принятое Комитетом в соответствии со статьей 22 Конвенции относительно сообщения № 678/2015* **

Сообщение представлено:	И.К. (представлен адвокатом Кнутом Ронлиеном)
Предполагаемая жертва:	автор сообщения
Государство-участник:	Норвегия
Дата сообщения:	10 сентября 2013 года (первоначальное представление)
Дата принятия решения:	16 мая 2018 года
Тема сообщения:	неправомерное обращение со стороны государственных органов; непроведение расследования
Процедурные вопросы:	приемлемость – прочие процедуры; неисчерпание внутренних средств правовой защиты; статус жертвы
Вопросы существа:	неправомерное обращение в местах лишения свободы – оперативное и беспристрастное расследование; подготовка сотрудников правоохранительных органов; одиночное заключение
Статьи Конвенции	10, 11, 12 и 16

1. Заявителем является И.К., гражданин Норвегии, родившийся в Союзе Советских Социалистических Республик в 1961 году. Он утверждает, что является жертвой нарушения Норвегией его прав по статьям 10, 11, 12 и 16 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в соответствии со статьей 22 Конвенции 9 июля 1986 года. Заявитель представлен адвокатом Кнутом Ронлиеном.

Факты в изложении заявителя

2.1 8 ноября 2006 года заявитель был задержан и доставлен в центральное отделение полиции Осло. Он был задержан за нарушение общественного

* Принято Комитетом на его шестьдесят третьей сессии (23 апреля – 18 мая 2018 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Хунхун Чжан.

GE.18-09493 (R) 210618 250618
1809493

Просьба отправить на вторичную переработку

правопорядка, выражавшееся в том, что он разбил окно в ходе спора в доме друга, а затем был также обвинен в том, что укусил за руку сотрудника полиции в ходе перевозки его в полицейский участок[1]. Он был помещен в камеру одиночного заключения[2] и содержался там всю ночь, а затем утром следующего дня был освобожден. Во время задержания и содержания под стражей он просил предоставить ему медицинскую помощь в связи с его психическим заболеванием[3]. Он не получил такой помощи, несмотря на то, что сотрудники полиции сочли его психически больным, о чем свидетельствуют записи в полицейском протоколе. Ночью, когда он находился в своей камере, его избили трое неизвестных сотрудников полиции[4], нанеся ему телесные повреждения (вздутие и гематома около левого глаза, небольшая ссадина на левой щеке, гематома на левом плече и повреждения кожи головы вследствие того, что его тянули за волосы). 9 ноября 2006 года, спустя 15 часов после его задержания, он был освобожден до предъявления официальных обвинений. После освобождения он направился в отделение скорой медицинской помощи для получения помощи в связи с его травмами[5]. Он утверждает, что эти события были особенно травматичными для него, поскольку он уже был жертвой насилия со стороны полиции в Норвегии в 2005 году[6].

2.2 15 ноября 2006 года адвокат заявителя запросил информацию о его содержании под стражей и имена дежурных сотрудников в соответствующие даты[7]. 7 января 2008 года в ходе основных слушаний заявитель пояснил, что он был подвергнут насилию во время содержания под стражей[8].

2.3 21 апреля 2008 года заявитель был оправдан в городском суде Осло по делу об инциденте, произошедшем 8 ноября 2006 года, на том основании, что он является невменяемым[9].

2.4 1 ноября 2011 года заявитель сообщил об избиении Норвежскому бюро по расследованию правонарушений в работе полиции. 17 апреля 2012 года Бюро отказало в возбуждении дела в отношении сотрудников полиции, поскольку, по его мнению, «представляется маловероятным, что расследование на основе имеющейся

[1] В протоколе полиции указано, что заявитель был в состоянии алкогольного опьянения и вел себя агрессивно и сотрудникам полиции пришлось принять меры для его усмирения. В ходе собеседования с полицией 9 ноября 2006 года заявитель признал, что накануне вечером выпил два небольших стакана пива.

[2] Автор использует термин «одиночное заключение», имея в виду одиночную камеру в полицейском участке.

[3] В своем собеседовании с сотрудниками Норвежского бюро по расследованию правонарушений в работе полиции 1 ноября 2011 года заявитель сообщил, что он просил сотрудников полиции отвезти его в больницу, поскольку чувствовал стресс, и вновь попросил отвезти его в больницу после того, как был помещен в камеру.

[4] Заявитель не видел этих сотрудников полиции раньше, и это были не те сотрудники, которые изначально задерживали его.

[5] Копии медицинских отчетов прилагаются. В них содержатся его утверждения об избиениях и описание имеющихся у него травм.

[6] Заявитель утверждает, что после его задержания 13 мая 2005 года за то, что он развел костер в парке, у него развилось посттравматическое стрессовое расстройство. Он утверждает, что во время задержания его повалили на землю и ударили головой о камень, после чего на него надели наручники и придавили ногой. Он в тот же день сообщил об этом инциденте Норвежскому бюро по расследованию правонарушений в работе полиции, однако 26 мая 2006 года Бюро отказало в возбуждении уголовного дела в отношении этих сотрудников полиции. Он обжаловал решение Бюро, но эта апелляция была также отклонена 8 августа 2006 года Генеральным прокурором.

[7] Представлена копия письма адвоката. В нем лишь содержится запрос на документы, касающиеся задержания, и фамилии должностных лиц. Никакой информации о возможном жестоком обращении в письме не приводится.

[8] Никакой дополнительной информации об этом в первоначальной жалобе представлено не было.

[9] Психиатрическая экспертиза заявителя, проведенная 11 февраля 2008 года, признала его «психически больным» и не способным предстать перед судом. В экспертизе говорится, что заявитель «по всей видимости, подвержен параноидальным идеям, соматоформным бредовым состояниям и возможным галлюцинациям более спорадического характера».

информации позволит получить доказательства того, что он является жертвой уголовного преступления». Бюро также установило, что вполне вероятно, что телесные повреждения, нанесенные автору, были связаны с эпизодами применения силы, описанными в полицейском протоколе по факту данного инцидента. Бюро приняло во внимание тот факт, что жалоба была подана спустя пять лет после инцидента, что представленная заявителем информация о применении силы в изоляторе временного содержания является расплывчатой и что в результате психиатрической экспертизы был сделан вывод о наличии сомнений в отношении психической вменяемости заявителя на момент его задержания, что сказывается на достоверности его утверждения о применении к нему силы.

2.5 26 апреля 2012 года заявитель подал предварительную апелляцию, а 30 мая 2012 года полную апелляцию в Норвежское бюро по расследованию правонарушений в работе полиции, которое направила ее для вынесения решения Генеральному прокурору. 17 июля 2012 года Генеральный прокурор подтвердил решение Бюро, заявив, что он «согласен с Бюро по всем вопросам существа».

2.6 17 июля 2010 года заявитель обратился с ходатайством в Европейский суд по правам человека. Его ходатайство было объявлено неприемлемым в соответствии со статьями 34 и 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) единоличным решением судьи от 29 ноября 2012 года.

2.7 21 мая 2012 года заявитель подал жалобу в Норвежское управление по гражданским вопросам о возмещении нематериального вреда, нанесенного в результате его уголовного преследования. 15 января 2014 года Управление отклонило его ходатайство, заключив, что «применение силы в ходе его задержания не выходило за рамки того, что можно было ожидать, учитывая короткий период времени, в течение которого он содержался под стражей, и его вызывающее подозрения и неуравновешенное поведение».

2.8 Заявитель утверждает, что, поскольку решение Генерального прокурора не может быть пересмотрено другими национальными органами[10], он исчерпал все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что его 15-часовое содержание в одиночной камере в полицейском участке без какой-либо медицинской помощи, а также побои со стороны сотрудников полиции равносильны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 16 Конвенции.

3.2 Он утверждает, что непроведение Норвежским бюро по расследованию правонарушений в работе полиции расследования по его жалобе является нарушением статьи 12 Конвенции. Он утверждает, что на государство-участник возлагается бремя доказывания того, что травмы, которые были нанесены во время содержания под стражей в полиции, были вызваны обстоятельствами, в отношении которых государство-участник не несет никакой ответственности. Он утверждает, что государство-участник не представило никаких убедительных объяснений в отношении телесных повреждений, которые не были зарегистрированы на момент задержания, но были подтверждены после его освобождения из-под стражи в медицинском заключении. Он также утверждает, что тот факт, что государство-участник не собрало достаточных свидетельств после инцидента, например путем допроса сотрудников изолятора, также является элементом нарушения статьи 12 Конвенции.

3.3 Заявитель утверждает, что имеет место нарушение статей 10 и 11 Конвенции, поскольку имеющиеся профессиональная подготовка, информационные мероприятия, инструктаж и механизмы являются недостаточными для надлежащего обращения с лицами, страдающими психическими расстройствами, в ходе задержания и содержания под стражей.

[10] В тексте решения Генерального прокурора указано, что решение не может быть обжаловано, однако заявитель имеет право подать частный иск по данному делу.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 В вербальной ноте от 6 июля 2015 года государство-участник представило свои замечания по вопросу о приемлемости сообщения. Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку автор не является жертвой согласно пункту 1 статьи 22 Конвенции в отношении статей 10 и 11. Государство-участник утверждает, что ни статья 10, ни статья 11 не предоставляют заявителю индивидуальных прав. По его мнению, формулировка статьи 10 указывает на то, что данное положение касается отношений между государством и сотрудниками, отвечающими за лиц, лишенных свободы, а не отношений между государством и каждым отдельным задержанным. Точно так же статья 11 не регулирует прямые взаимоотношения между государством, с одной стороны, и отдельным задержанным – с другой. Напротив, формулировка статьи 11 свидетельствует о том, что это положение налагает на государства общее обязательство по отношению к обществу в целом. Признавая, что обязательства, содержащиеся в статьях 10 и 11, представляют собой важные средства предупреждения жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в государстве-участнике в целом, правительство отмечает, что несоблюдение государством-участником положений данной статьи не окажет прямого воздействия на лиц, содержащихся под стражей. Такое потенциальное воздействие на отдельных задержанных является, по мнению государства-участника, слишком второстепенным и косвенным, чтобы обосновать субъективное право заявителя по рассматриваемому делу.

4.2 Кроме того, государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку этот же вопрос уже был рассмотрен Европейским судом по правам человека. По мнению государства-участника, жалоба, поданная в Европейский суд по правам человека, касается «того же вопроса» и этот же вопрос был «рассмотрен» Европейским судом по правам человека. Государство-участник утверждает, что Европейский суд по правам человека не мог объявить жалобу неприемлемой по любой из следующих причин: несоблюдение заявителем шестимесячного срока для подачи жалобы; надлежащее рассмотрение дела внутригосударственным судом; анонимность заявителя; или рассмотрение жалобы в рамках другой процедуры. Таким образом, остаются лишь следующие основания для объявления жалобы неприемлемой: a) заявитель не является жертвой; b) заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты; или c) жалоба является несовместимой с положениями Европейской конвенции по правам человека, явно необоснованной или является злоупотреблением правом подачи индивидуальной жалобы; и государство-участник утверждает, что все эти основания для неприемлемости, предусмотренные Европейской конвенцией по правам человека, соответствуют надлежащим основаниям для неприемлемости, которые ведут к неприемлемости в соответствии с Конвенцией против пыток.

4.3 Наконец, государство-участник оспаривает утверждение заявителя о том, что после подачи апелляции на имя Генерального прокурора все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Во-первых, если заявитель пришел к выводу о том, что судебное преследование является подходящим правовым каналом для обеспечения возмещения ущерба, он мог подать частный иск в отношении подозреваемых должностных лиц. Во-вторых, он мог бы подать жалобу непосредственно в полицию. Хотя такая возможность касается вопросов, которые не подпадают под определение уголовных преступлений со стороны отдельных сотрудников полиции, таких как неспособность государства обеспечить надлежащую подготовку личного состава, это позволило бы полиции устранить предполагаемые нарушения статей 10, 11 и 12 Конвенции. В-третьих, помимо уголовного преследования есть и другие, более подходящие средства правовой защиты, имеющиеся в распоряжении заявителя. В частности, он мог бы обратиться за возмещением ущерба со стороны правительства через обычный гражданский иск с требованием возмещения ущерба и/или вынесения декларативного решения, устанавливающего нарушение индивидуальных прав согласно Конвенции. Заявитель истребовал компенсацию нематериального ущерба у Норвежского управления по гражданским вопросам, которое находится в ведении Министерства юстиции и общественной безопасности. Отклонение ходатайства Норвежским управлением по

гражданским вопросам подлежит судебному надзору со стороны судов общей юрисдикции. Однако заявитель не подал иска о компенсации в суды общей юрисдикции в порядке судебного надзора и никак не объяснил это. Государство-участник утверждает, что отсутствие иска со стороны заявителя в суд общей юрисдикции делает сообщение неприемлемым в части, касающейся предполагаемого нарушения статьи 16 Конвенции.

4.4 Кроме того, государство-участник утверждает, что заявитель мог бы также потребовать принятия деклараторного решения о наличии нарушения Конвенции. Верховный суд Норвегии указал, что для установления факта нарушений прав человека отдельных лиц в соответствии с конвенциями в области прав человека, которые были инкорпорированы в норвежское законодательство, может быть принято деклараторное решение. Европейская конвенция по правам человека и Международный пакт о гражданских и политических правах уже получили статус норвежского законодательства, а, значит, заявитель мог ходатайствовать о вынесении деклараторного решения в отношении положений, соответствующих статье 16 Конвенции против пыток в Европейской конвенции по правам человека (статья 3) и Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 7). Аналогичным образом заявитель мог бы ходатайствовать о вынесении деклараторного решения для установления нарушения статьи 12 Конвенции против пыток на основании статьи 3 Европейской конвенции по правам человека и нарушения статей 10 и 11 Конвенции против пыток на основании статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку речь в них идет об одних и тех же обязательствах.

4.5 Государство-участник отмечает, что в сообщении не имеется никакой информации, свидетельствующей о том, что применение вышеуказанных средств правовой защиты превысит разумные сроки или вряд ли окажет действенную помощь заявителю. Государство-участник отмечает, что было бы оправданным освобождать лиц от необходимости исчерпания средств правовой защиты по неотложным делам в силу особых обстоятельств конкретного дела. Однако в данном случае предполагаемые нарушения имели место в 2006 году, и заявитель сообщил о них органам власти лишь пять лет спустя. Кроме того, государство-участник отмечает, что из материалов дела не следует, что обычные судебные процедуры были недоступны для заявителя по финансовым или иным причинам, поскольку уже на раннем этапе рассмотрения дела заявитель получил юридическую помощь, и в связи с настоящим сообщением ему также предоставляется помощь адвоката.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 В своем представлении от 15 сентября 2015 года заявитель изложил свои комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения.

5.2 В ответ на утверждение государства-участника о том, что заявитель не является жертвой в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, заявитель соглашается с мнением государства-участника о том, что эти статьи не наделяют заявителя индивидуальными правами сами по себе, однако он утверждает, что поскольку статья 16 наделяет физических лиц субъективными правами, то статьи 10 и 11 в сочетании со статьей 16 устанавливают обязательства государств-участников и могут быть задействованы заявителем как жертвой нарушения прав.

5.3 Автор отмечает, что, хотя представленные им Комитету факты идентичны тем, которые были включены в его ходатайство в Европейский суд по правам человека, его сообщение в Комитет касается других материальных прав, учитывая, что содержание статей 12 и 16 Конвенции отличается от содержания статьи 3 Европейской конвенции по правам человека. Кроме того, Европейский суд по правам человека не «рассмотрел» тот же самый вопрос. Поскольку Европейский суд по правам человека признал ходатайство неприемлемым без предоставления каких-либо иных оснований, помимо ссылки на статьи 34 и 35 Европейской конвенции по правам человека, нельзя утверждать, что решение о неприемлемости на основании Европейской конвенции по

правам человека было принято исходя из тех же оснований для неприемлемости, которые ведут к неприемлемости в соответствии с Конвенцией против пыток.

5.4 Заявитель утверждает, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, поскольку его жалобы были рассмотрены Норвежским бюро по расследованию правонарушений в работе полиции, Генеральным прокурором и Норвежским управлением по гражданским вопросам, и в связи с этими жалобами не было начато никакого расследования. Таким образом, государство-участник имело много возможностей для рассмотрения и устранения предполагаемых нарушений. Заявитель также утверждает, что Норвежское бюро по расследованию правонарушений в работе полиции лучше, чем национальные суды, подходит для расследования таких дел отчасти потому, что Бюро уполномочено получать, хранить и оценивать соответствующие доказательства. Заявитель указывает, что подать частный иск по данному делу было бы на практике весьма непросто, поскольку личности сотрудников полиции, несущих ответственность за избиение, неизвестны. Было бы невозможно получить необходимые показания по поводу событий, связанных с содержанием заявителя под стражей, и результатом стало бы отсутствие доказательств, что является еще одной причиной, по которой Бюро приняло решение не возбуждать дело в отношении сотрудников полиции. Кроме того, автор не может подать гражданский иск о возмещении ущерба в норвежский суд, поскольку он не понес прямые финансовые потери, что является необходимым условием в соответствии с норвежским Законом о компенсациях. Таким образом, любой гражданский иск в данном случае является бесперспективным. Кроме того, он не мог обжаловать в суде решение Норвежского управления по гражданским вопросам, поскольку срок давности по его иску был бы признан истекшим.

5.5 Заявитель утверждает, что в тех случаях, когда существуют альтернативные средства правовой защиты, государство-участник не может требовать, чтобы были исчерпаны все возможные средства правовой защиты, и что должно быть достаточно, чтобы один иск был доведен до своей конечной стадии[11]. Он утверждает, что его уголовное дело было доведено до максимально возможной конечной стадии и что было бы неразумно требовать от него дополнительных шагов сверх тех, которые он уже проделал.

5.6 Наконец, заявитель оспаривает утверждение государства-участника о том, что он мог бы потребовать в норвежском суде принятия государством декларативного решения. Верховный суд Норвегии постановил, что для установления факта нарушения международной конвенции сама конвенция должна предусматривать эффективные средства правовой защиты на национальном уровне в отношении нарушения Конвенции, как это имеет место в статье 13 Европейской конвенции по правам человека и статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Верховный суд постановил, что Конвенция против пыток не имеет такой же статус, как и норвежское законодательство и, следовательно, заявитель не может подать иск на основании самой Конвенции[12]. Было бы неразумным ожидать, что заявитель должен направить свое дело на рассмотрение норвежской судебной системы, чтобы Верховный суд вновь вынес постановление по этому вопросу, особенно учитывая расходы, связанные с такими судебными тяжбами. Заявитель не располагает средствами для оплаты юридических расходов, и никакого государственного финансирования для их покрытия не существует.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

6.1 В вербальной ноте от 6 ноября 2015 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения, сохраняя свою позицию относительно его неприемлемости. Оно заявляет об отсутствии нарушения статьи 16 Конвенции ввиду того, что телесные повреждения, нанесенные автору, совместимы с законным применением силы, которое было необходимым вследствие того, что он

[11] Заявитель ссылается на дело Европейского суда по правам человека *Лопес Остра против Испании* (заявление № 16798/90), решение от 9 декабря 1994 года, пункт 36.

[12] Решения Верховного суда Норвегии Rt-2012-2034 и Rt-2008-513.

сопротивлялся задержанию и помещению под стражу, напал на сотрудников полиции и угрожал им. Утверждения заявителя следует также рассматривать в свете того, что он страдает галлюцинациями и искаженным восприятием реальности, включая параноидальный бред в отношении полиции. Государство-участник утверждает, что страдания заявителя во время пребывания в изоляторе временного содержания не выходят за рамки неизбежных элементов страданий, связанных с содержанием под стражей в условиях, подобных условиям настоящего дела. Нет никаких доказательств того, что сотрудники считали заявителя психически больным. В любом случае заявитель находился в состоянии интоксикации, которое исключало оказание психиатрической помощи до утра следующего дня, когда он был освобожден. Государство-участник ссылается на дело *Керемедчиев против Болгарии*, в котором Комитет пришел к следующему заключению: «признавая, что при законном задержании проявляющего неповиновение и/или агрессивно настроенного лица могут быть причинены боль и страдания, Комитет считает, что применение силы в таких случаях должно носить необходимый и соразмерный характер»[13]. Аналогичным образом Европейский суд по правам человека неоднократно заявлял, что обращение «должно в любом случае выходить за рамки страданий и унижений, которые неизбежно причиняет тот или иной вид законного обращения или наказания», чтобы его можно было квалифицировать как бесчеловечное или унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Европейской конвенции по правам человека[14]. Таким образом, законное содержание под стражей в изоляторе временного содержания само по себе не является основанием для возбуждения дела согласно указанному положению.

6.2 Государство-участник вновь заявляет, что, поскольку предполагаемые нарушения имели место более 10 лет назад, ситуация с доказательствами по данному делу является сложной. Государство-участник связалось с рядом сотрудников, которые присутствовали, когда заявитель был доставлен в изолятор временного содержания, и которые не смогли вспомнить ни заявителя, ни обстоятельства предполагаемого инцидента. Помимо этого, имеющиеся в наличии доказательства ограничиваются письменными протоколами и другими документами, сохранившимися с того времени.

6.3 Государство-участник отвергает утверждение заявителя о том, что телесные повреждения были нанесены ему тремя сотрудниками полиции, которые вошли в его камеру ночью и избили его. Оно дает свои объяснения относительно этих телесных повреждений, предполагая, что они могли быть получены во время задержания заявителя и его доставки в камеру. Поведение заявителя вынудило сотрудников полиции применять соразмерную силу трижды: a) когда заявитель препятствовал задержанию[15]; b) когда он укусил одного из сотрудников полиции и должен был быть усмирен в полицейском автомобиле[16]; и c) когда полиция проводила личный досмотр в камере, после того как заявитель пригрозил напасть на сотрудников полиции[17]. Государство-участник утверждает, что в свете вышеизложенного полученные повреждения совместимы с таким применением силы, которое было необходимо в силу агрессивного и буйного поведения заявителя, и что в отношении заявителя никакой чрезмерной силы применено не было. Что касается достоверности утверждений заявителя, то государство-участник вновь заявляет, что впоследствии выяснилось, что заявитель страдает психическим заболеванием, из-за которого он галлюцинировал в течение всего времени нахождения под стражей 8 ноября

[13] CAT/C/41/D/257/2004, пункт 9.3.

[14] См. Европейский суд по правам человека, *Кудла против Польши* (заявление № 30210/96), решение от 26 октября 2000 года, пункты 92 и 93.

[15] В полицейском протоколе указывается, что, когда ему надевали наручники, заявитель «оказал сопротивление и пытался вырваться, когда полиция застегивала наручники у него за спиной».

[16] В полицейском протоколе указывается, что, после того как заявитель укусил за палец одного из сотрудников полиции, сотрудник «поместил его животом вниз на сиденье между сотрудниками полиции и наполовину прижал его сверху корпусом, так как он пытался вырваться».

[17] В полицейском протоколе указывается, что заявитель «был уложен плашмя на матрац в камере и обыскан, перед тем как с него были сняты наручники».

2006 года[18]. Государство-участник также ссылается на предварительное судебное заключение от 2008 года, выданное старшим психиатром-консультантом Окружного суда Осло, в котором отмечается, что заявитель страдает «параноидальным бредом в отношении полиции». Государство-участник заявляет, что без должного внимания к истории психических заболеваний заявителя надлежащая оценка его утверждений невозможна.

6.4 Что касается вопроса о медицинской помощи, то государство-участник отвергает утверждение заявителя о том, что сотрудники полиции воспринимали заявителя в качестве психически больного по той причине, что в протоколе полиции по его делу было отмечено: «Заболевание: психиатрическое». Государство-участник утверждает, что эта запись была сделана оператором телефонной связи, который первоначально ответил на телефонный звонок с сообщением об инциденте, связанном с заявителем, 8 ноября 2006 года. Это было сделано на основе информации, предоставленной оператору звонившим лицом, а не на основе оценки заявителя полицией. В отношении утверждения о том, что заявитель просил оказать ему медицинскую помощь, государство-участник отмечает, что в данном деле какая-либо документация в обоснование этого утверждения отсутствует. Наоборот, во время беседы 9 ноября 2006 года заявитель ничего не сказал полиции о необходимости получения медицинской помощи или об ее отсутствии, за исключением того, что он «очень устал» и что «ему нужна таблетка». Кроме того, сотрудники заходили в камеру для проверки состояния заявителя каждые 30 минут, поэтому они были бы осведомлены о просьбе оказать медицинскую помощь и сделали бы запись о такой просьбе в протоколе содержания под стражей. Копия протокола содержания под стражей от 9 ноября 2006 года свидетельствует о том, что в ту ночь медицинская помощь была предоставлена задержанному в другой камере в связи с раной на подбородке. При этом нет никаких сведений о каких-либо просьбах заявителя об оказании медицинской помощи во время нахождения в изоляторе временного содержания.

6.5 Что касается ссылок заявителя на необходимость психиатрического лечения в ночь 8 ноября 2006 года, то государство-участник указывает, что психиатры в травматологических пунктах и пунктах скорой помощи не принимают пациентов, находящихся под воздействием алкоголя или других веществ, из-за сложности оценки их психического здоровья, пока они находятся в состоянии интоксикации. Поскольку в ночь своего задержания заявитель находился под воздействием алкоголя, что подтверждается протоколом содержания под стражей и полицейским протоколом, оформленным в ночь инцидента, ему в любом случае пришлось бы ждать до следующего дня, прежде чем он мог бы быть осмотрен врачом на предмет его психического заболевания. Что касается физических травм, полученных заявителем во время нахождения под стражей, то их тяжесть не столь велика в сравнении с той опасностью, которой могли бы подвергнуться сотрудники полиции и медицинский персонал, учитывая агрессивное поведение заявителя в ходе доставки его в полицейский участок.

6.6 Государство-участник отмечает, что пребывание заявителя в камере ограничивалось 12 часами в течение одной ночи. Государство-участник ссылается на протокол содержания под стражей, из которого следует, что заявитель был доставлен в изолятор 8 ноября 2006 года в 21 ч 58 мин. Собеседование с заявителем состоялось в 10 часов утра 9 ноября 2006 года, после чего он был освобожден. В течение этого 12-часового периода дежурные сотрудники осматривали заявителя каждые 30 минут, что является стандартной процедурой для заключенных, находящихся в состоянии интоксикации. Исходя из этого, государство-участник утверждает, что страдания заявителя во время пребывания в изоляторе временного содержания не выходят за

[18] Государство-участник приводит выдержки из выданных в 2005 и 2006 годах медицинских заключений относительно заявителя, в которых говорится о том, что он испытывал галлюцинации, слышал голоса и страдал от посттравматического стрессового расстройства и диссоциативного расстройства.

рамки неизбежных элементов страданий, связанных с содержанием под стражей в условиях, подобных условиям настоящего дела.

6.7 Что касается утверждений о нарушении статьи 12 Конвенции, то государство-участник отвергает утверждение заявителя о том, что полиция должна была расследовать «инцидент, имевший место в 2006 году, на основании заявления автора сообщения в полиции о том, что что-то произошло с ним во время содержания под стражей, и ходатайства его адвоката вскоре после этого»[19]. Государство-участник утверждает, что, поскольку телесные повреждения были действительно нанесены сотрудниками полиции, то нет никаких оснований полагать, что эти телесные повреждения явились результатом чего-либо еще, кроме законного применения силы. Заявление о том, что «что-то произошло», не содержит каких-либо признаков того, что к заявителю ночью вошли полицейские и избили его. В любом случае заявление автора о том, что он будет общаться со своим адвокатом, давало основания полагать, что в случае необходимости заявитель обратится с любыми возможными жалобами в полицию. Что касается запроса адвоката от 15 ноября 2006 года о предоставлении ему «всех документов, касающихся задержания, включая протоколы, записи бесед, отчеты и т. д.», то это стандартная процедура запроса копий материалов дела, когда адвокат приступает к работе над уголовным делом, и письмо адвоката не содержало каких-либо указаний на нарушение статьи 16 Конвенции. Все материалы дела были направлены адвокату заявителя 29 ноября 2006 года.

6.8 Государство-участник отмечает, что в решении суда и судебных протоколах, касающихся основных слушаний 7 января 2008 года, нет ни одного упоминания о неправомерном обращении. Следовательно, маловероятно, что такие обвинения были выдвинуты, и поскольку заявитель был представлен адвокатом, следует ожидать, что адвокат отслеживал бы ход рассмотрения этих обвинений, если бы они были сделаны. Кроме того, государство-участник не считает, что сообщение заявителя, представленное через пять лет после данного инцидента, дает основания для проведения более тщательного расследования, чем то, которое было проведено Норвежским бюро по расследованию правонарушений в работе полиции. Оно также заявляет, что если какой-либо сотрудник сталкивается с унижающим достоинство обращением с заключенными или же у него имеются соответствующие подозрения, то на этот счет имеются четкие инструкции и положения, изданные Министерством юстиции и общественной безопасности.

6.9 В связи с предполагаемыми нарушениями статей 10 и 11 Конвенции государство-участник вновь заявляет, что на них не распространяются индивидуальные жалобы вследствие их общего, широкого охвата. Поскольку удовлетворение потребностей заявителя в защите от жестокого обращения надлежащим образом гарантируется статьями 12 и 16, государство-участник не видит необходимости расширения охвата статей 10 и 11 на индивидуальные жалобы. Такое расширение будет, по мнению государства-участника, представлять собой расширение сферы охвата указанных статей без юридических оснований в Конвенции. Тем не менее государство-участник представило подробную информацию в отношении подготовки и инструктажа сотрудников полиции, которые потенциально могли иметь доступ к заявителю в ночь его задержания, а также правила и инструкции, касающиеся обращения с лицами, содержащимися под стражей[20]. Кроме того, государство-участник ссылается на выводы, сделанные по итогам проведенной в октябре 2005 года Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания инспекции полицейского изолятора, в котором заявитель содержался 8–9 ноября 2006 года: в них

[19] В ходе собеседования с полицией 9 ноября 2006 года перед освобождением из-под стражи на вопрос «С вами случилось что-то особенное в полицейской машине или в камере?» заявитель ответил: «Я не знаю. Я не готов говорить об этом». Когда его спросили, что он имеет в виду, заявитель сказал: «Что-то произошло, но теперь я хочу поговорить со своим адвокатом. В камере тоже что-то произошло».

[20] Копии учебной программы 2006 года для сотрудников СИЗО и выдержки из учебной программы для сотрудников полиции (с переводом на английский язык).

указано, что «руководящие принципы, изложенные в циркуляре G-67/2000, применяются надлежащим образом»[21].

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника относительно существа сообщения

7.1 В своем представлении от 8 февраля 2016 года заявитель дал свои комментарии по замечаниям государства-участника относительно существа сообщения.

7.2 Заявитель отмечает, что маловероятно, что эти телесные повреждения были результатом разумного применения силы, как это пояснило государство-участник, поскольку характер телесных повреждений свидетельствует о том, что они возникли в результате удара заявителя левым виском о твердый или острый предмет. В любом случае эти повреждения должны были быть зафиксированы в полицейском протоколе или в протоколе содержания под стражей. Заявитель ссылается на копию составленного в ночь инцидента протокола содержания под стражей, в котором имеется запись о травме подбородка у другого задержанного, но нет никаких записей о телесных повреждениях заявителя. Так как убедительных объяснений отсутствия регистрации телесных повреждений не существует, заявитель утверждает, что имело место нарушение статьи 16 Конвенции.

7.3 Заявитель ссылается на довод государства-участника о том, что психическое состояние заявителя имеет значение при оценке достоверности его утверждений, и отмечает, что в связи с риском того, что заявления от лиц, страдающих психическими заболеваниями, будут предметом подобных возражений, особенно важно, чтобы в полицейских протоколах содержалась очень точная информация обо всех объективных факторах, касающихся телесных повреждений. Телесные повреждения заявителя не являются галлюцинациями и должны были быть зафиксированы в протоколе наряду с точным описанием предметов, которые стали причиной их возникновения. Заявитель также ссылается на раздел 3-2 полицейских инструкций, в котором указано, что, если применение силы полицией приводит к телесным повреждениям/нанесению ущерба отдельным лицам или имуществу или если ситуация свидетельствует о том, что действия полиции могут привести к жалобам, сотрудник полиции обязан немедленно представить письменный рапорт об этом инциденте вышестоящему начальству[22]. Если бы в данном случае вышестоящее начальство получило достоверный полицейский рапорт в соответствии с полицейскими инструкциями, то полиция могла бы провести оценку этого дела и получить соответствующие доказательства. Тот факт, что этого не произошло, свидетельствует об отсутствии на практике эффективных процедур.

7.4 Заявитель отвергает довод государства-участника о том, что запрос адвоката заявителя о представлении документов является стандартной процедурой. Он отмечает, что в соответствии со стандартной процедурой необходимо запрашивать документы, когда клиент еще находится под стражей или когда принимается решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. В данном случае адвокат хотел получить документы, касающиеся задержания заявителя, в то время как заявитель был уже освобожден и ему не было предъявлено обвинений. Что касается причины, по которой адвокат заявителя не принял никаких последующих мер в связи с утверждениями о жестоком обращении, то заявитель утверждает, что его адвокат не хотел этого делать. Заявитель просил нескольких адвокатов принять последующие меры, однако ни один из них не сделал этого. Заявитель предполагает, что причиной этого может быть предыдущее дело, имевшее место в мае 2006 года, когда Норвежское бюро по расследованию правонарушений в работе полиции приняло решение не предъявлять

[21] Циркуляр G-67/2000 был выпущен Министерством юстиции и полиции и содержит руководящие принципы доступа лишенных свободы лиц к медицинским услугам. В частности, в этом циркуляре содержится требование о том, что доступ к медицинским сотрудникам должен предоставляться как можно скорее, но не позднее чем через два часа после доставки задержанного лица в полицейский участок и/или после получения просьбы о предоставлении медицинской помощи.

[22] См. полицейские инструкции от 22 июня 1990 года.

обвинение сотруднику полиции в аналогичном случае. Он также отмечает, что условия, при которых сотруднику полиции может быть предъявлено обвинение и при которых он может быть впоследствии осужден, в Норвегии являются очень строгими. Заявитель не согласен с утверждением государства-участника о том, что у полиции нет оснований для возбуждения расследования из-за отсутствия факта нарушений. Он отмечает, что не следует поощрять нежелание проводить расследование в сочетании с полным отрицанием всех возможных правонарушений. Он отмечает, что было бы более убедительным, если бы применение силы полицией было расследовано по меньшей мере одной нейтральной стороной. Поскольку этого не произошло, то имело место нарушение статьи 12, рассматриваемой в совокупности со статьей 16 Конвенции.

7.5 В отношении отсутствия медицинской помощи заявитель утверждает, что в тех случаях, когда видны явные следы повреждений, полиция должна привлекать медицинских работников. Кроме того, видимые страдания заявителя в связи с его психическим заболеванием и/или интоксикацией должны были явно указывать на необходимость оказания медицинской помощи. Заявитель ссылается на Постановление об использовании полицейских изоляторов, где указано, что «до помещения лица в изолятор временного содержания полиция обязана произвести оценку его/ее потребностей в медицинской помощи и в случае необходимости организовать ему/ей осмотр врачом...»[23]. Заявитель утверждает, что описание его состояния в полицейском протоколе должно было дать сотрудникам полиции по крайней мере основания для сомнений относительно его психической уравновешенности или для оценки его способности позаботиться о себе самостоятельно в контексте слишком сильной интоксикации или невменяемого состояния. Поэтому они должны были вызвать медицинского специалиста, который мог бы оценить состояние здоровья заявителя до того, как полиция поместила его на многочасовой период в изолятор временного содержания. Заявитель отрицает утверждение государства-участника о том, что к нему в камеру приходили каждые 30 минут для проверки его состояния, и ссылается на отсутствие каких-либо документов, подтверждающих это. Кроме того, заявитель отмечает, что его утверждения не являются уникальными, так как представители Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания подняли тот же самый вопрос во время визита в Норвегию в 2011 году, когда они наблюдали заключенного, который нуждался в медицинской помощи и которого дежурный сотрудник главного полицейского участка Бергена посчитал недостаточно больным. В своем докладе Европейский комитет по предупреждению пыток рекомендовал напоминать сотрудникам полиции об их обязанности обеспечивать необходимую медицинскую помощь лицам, не способным позаботиться о себе самостоятельно[24].

7.6 Заявитель предполагает, что информация о его психическом расстройстве у полиции имелась, так как: a) в кармане у него была справка от врача о наличии заболевания с психиатрическим диагнозом; и b) один из сотрудников полиции (сотрудник B) также ранее задерживал заявителя 13 мая 2005 года за не связанное с этим правонарушение. По делу 2005 года заявитель обратился в Норвежское бюро по расследованию правонарушений в работе полиции с жалобой на сотрудника B в связи с применением к нему насилия во время задержания. Психическое состояние заявителя было задокументировано в жалобе 2005 года, и сотрудник B активно участвовал как в деле против заявителя в 2005 году, так и в расследовании Бюро по факту применения насилия во время задержания. Решение Генерального прокурора не возбуждать расследования в отношении сотрудника B по инциденту, имевшему место в 2005 году, было принято всего за три месяца до повторного задержания заявителя 8 ноября 2006 года. Таким образом, заявитель предполагает, что по крайней мере один из производивших задержание сотрудников полиции знал о его психическом состояния

[23] Постановление об использовании полицейских изоляторов временного содержания, 30 июня 2006 года, раздел 2-3.

[24] Доклад правительству Норвегии, 21 декабря 2011 года, пункт 16.

и что, скорее всего, он не был полностью беспристрастным по отношению к заявителю.

7.7 Заявитель утверждает, что никаких правовых оснований для помещения его в камеру одиночного заключения не было. В полицейских документах официальным основанием для помещения его в изолятор временного содержания указана необходимость предотвратить возможное уничтожение доказательств. Однако в полицейских документах не разъясняется, каким образом доказательства могли быть уничтожены и почему заключение было необходимым и соразмерным. В разделе 170 a) Уголовно-процессуального кодекса указано, что лицо может быть задержано и заключено под стражу только в том случае, если имеются достаточные для этого основания, и что эта мера должна быть соразмерной. В случае заявителя степень необходимости и соразмерности заключения под стражу не была принята во внимание, поскольку в Норвегии, когда какое-либо лицо подлежит заключению под стражу после задержания, такое заключение является единственной альтернативой освобождению. Поэтому у полиции был выбор только между заключением заявителя под стражу и его освобождением. Заявитель ссылается на заключительные замечания Комитета по третьему периодическому докладу Норвегии, в которых Комитет рекомендовал следующее: «за исключением чрезвычайных обстоятельств, в частности когда затрагивается безопасность людей или имущества, Комитет рекомендует отменить применение одиночного заключения, особенно в ходе досудебного заключения или по крайней мере обеспечить, чтобы оно строго и конкретно регулировалось законом, а также усилить контроль со стороны судебных органов[25]». Заявитель утверждает, что с момента опубликования этих заключительных замечаний в 1998 году государство-участник не изменило свою общую практику помещения всех задержанных лиц в одиночные камеры в полицейских изоляторах в течение первоначального периода задержания.

7.8 Заявитель утверждает, что решающее значение в его задержании имеет не количество часов, которые он провел в одиночном заключении, хотя это тоже важно, а сам вопрос о необходимости и соразмерности содержания душевнобольного лица в одиночном заключении. Он ссылается на ряд докладов, в которых делается вывод о том, что первоначальный период содержания в одиночной камере, как правило, является для задержанных самым сложным[26]. Кроме того, он ссылается на доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, в котором делается вывод о том, что любое одиночное содержание лиц с психическими нарушениями, независимо от продолжительности, является нарушением статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 16 Конвенции против пыток[27]. Заявитель отмечает, что не только в данном случае, но и в целом полиция не разъясняет причин помещения задержанных в одиночную камеру, поскольку в законе это прямо не требуется. Таким образом, отсутствие закона, требующего обоснований для помещения задержанных в одиночные камеры, даже после заключительных замечаний Комитета 1998 года является нарушением статьи 11 Конвенции. В силу отсутствия такого закона сотрудники правоохранительных органов не проходят подготовку по этому вопросу, что представляет собой нарушение статьи 10 Конвенции.

Дополнительные замечания государства-участника по существу сообщения

8. В вербальной ноте от 3 июня 2016 года государство-участник представило в переводе на английский язык ряд документов, ранее направленных заявителем, и подчеркнуло, что оно сохраняет свою позицию относительно приемлемости и существа жалобы.

[25] См. A/53/44, пункт 156.

[26] Thomas Horn, *Fullstendig Isolasjon ved Risiko for Bevisforpillelse* (2015), p. 18; Norwegian Ombudsman, case No. 2005/1691, p. 29; и European Committee for Prevention of Torture, 21st general report, CPT/Inf (2011) 28, para. 53.

[27] См. A/66/268, пункт 78.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Комитет принимает к сведению возражение государства-участника по поводу того, что жалоба должна быть признана неприемлемой в соответствии с подпунктом a) пункта 5 статьи 22 Конвенции, поскольку этот же вопрос уже рассматривался Европейским судом по правам человека. Комитет также отмечает, что Европейский суд по правам человека признал ходатайство неприемлемым без предоставления каких-либо других причин, помимо ссылки на статьи 34 и 35 Европейской конвенции по правам человека.

9.2 Комитет считает, что в данном случае краткое обоснование, представленное Европейским судом по правам человека в своем решении от 29 ноября 2012 года, не позволяет Комитету проверить то, в какой мере Суд рассмотрел ходатайство заявителя, в том числе вопрос о том, провел ли он тщательный анализ элементов, относящихся к существу дела. Исходя из вышесказанного, Комитет считает, что пункт 5 a) статьи 22 Конвенции не препятствует рассмотрению им настоящего сообщения.

9.3 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что заявитель не исчерпал всех имеющихся внутренних средств правовой защиты, поскольку после отказа Генерального прокурора от проведения расследования по этому делу заявитель мог подать частный иск против подозреваемых сотрудников или жалобу непосредственно в полицию. Кроме того, вместо использования процедуры уголовного разбирательства заявитель мог бы обратиться за получением возмещения от государства через обычный гражданский иск с требованием о возмещении ущерба и/или вынесении деклараторного решения, с тем чтобы установить нарушение индивидуальных прав заявителя по Конвенции. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что он не мог подать частный иск, так как он не знал личные данные сотрудников полиции, вошедших к нему в камеру ночью, и что он довел свое уголовное дело до максимально возможной конечной стадии, поэтому неразумно требовать от него дополнительных шагов сверх тех, которые он уже проделал. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя, что в случае наличия альтернативных средств правовой защиты государство-участник не может требовать исчерпания всех возможных средств правовой защиты и доведение одного иска до своей конечной стадии должно быть признано достаточным.

9.4 В этой связи Комитет ссылается на свою практику, согласно которой, если лицо безуспешно исчерпало одно из средств правовой защиты, от этого лица не следует требовать для целей пункта 5 b) статьи 22 Конвенции исчерпания альтернативных юридических процедур, которые были бы направлены по существу на достижение той же цели и в любом случае не давали бы больше шансов на успех[28]. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что требования пункта 5 b) статьи 22 Конвенции не препятствуют рассмотрению им данного сообщения.

9.5 Не обнаружив других препятствий для признания приемлемости, Комитет признает данное сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

[28] *Османи против Сербии* (CAT/C/42/D/261/2005), пункт 7.1.

Рассмотрение по существу

10.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами.

10.2 Заявитель указал на нарушение пункта 1 статьи 16 Конвенции на том основании, что он был помещен в одиночную камеру в ночь после задержания без доступа к психиатрической помощи и подвергся избиениям со стороны полиции. В этой связи Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что полиция до этого не была осведомлена о наличии психического заболевания у заявителя, что он не просил никакой медицинской помощи и что страдания заявителя во время пребывания в изоляторе временного содержания не выходили за рамки неизбежных элементов страданий, связанных с содержанием под стражей в условиях, подобных условиям настоящего дела. Комитет принимает также к сведению медицинские заключения, представленные заявителем и содержащие описание его телесных повреждений после освобождения из заключения в полиции, и разъяснение государства-участника о том, что телесные повреждения заявителя были совместимы с законным применением силы, которое было необходимым вследствие того, что он сопротивлялся задержанию и помещению под стражу. Хотя Комитет согласен с тем, что определенный элемент боли и страдания может возникнуть при законном задержании проявляющего неповиновение и/или агрессивно настроенного лица, принимая во внимание, что применение силы в таких случаях носит необходимый и соразмерный характер[29], он выражает сожаление по поводу того, что во время задержания заявителя полиция не составила полный отчет о телесных повреждениях, которые, скорее всего, были видны в момент задержания, с тем чтобы обеспечить объективный анализ времени нанесения и происхождения телесных повреждений заявителя. Тем не менее на основе имеющейся у него информации Комитет не может сделать вывод о том, что во время содержания под стражей в полиции заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

10.3 В связи с утверждением заявителя о нарушении статьи 12 Комитет напоминает, что статья 12 требует, чтобы расследование было быстрым, беспристрастным и эффективным[30]. Комитет отмечает, что, хотя жалоба на жестокое обращение была подана заявителем спустя пять лет после предполагаемого инцидента, государство-участник провело расследование, по итогам которого было принято решение не осуществлять судебное преследование сотрудников полиции, поскольку «было бы маловероятно, что расследование на основе имеющейся информации позволит получить доказательства того, что он является жертвой уголовного преступления». Комитет отмечает, что заявитель знал о процедуре рассмотрения жалоб в связи с его предыдущим инцидентом с полицией в 2005 году и продолжал пользоваться услугами адвоката после освобождения из-под стражи 9 ноября 2006 года. Заявитель не представил никаких документальных доказательств того, что он подал жалобу на избиения в ходе судебного слушания 7 января 2008 года. С учетом особых обстоятельств данного дела Комитет считает, что заявитель не смог обосновать свое утверждение о том, что расследование, проведенное в отношении его утверждений о жестоком обращении, не было быстрым, беспристрастным и эффективным. В связи с этим, исходя из представленных ему материалов, Комитет не может сделать вывод о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению быстрого, беспристрастного и эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении.

10.4 В отношении утверждений о нарушении статей 10 и 11 Комитет отмечает, что, поскольку он не может признать, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 16 Конвенции, он не может сделать какой-либо вывод в отношении защиты предусмотренных этими статьями прав.

[29] *Керемедчиев против Болгарии* (CAT/C/41/D/257/2004), пункт 9.3.

[30] *Н.З. против Казахстана* (CAT/C/53/D/495/2012), пункт 13.2.

11. Действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, Комитет заключает, что предоставленная ему информация не свидетельствует о нарушении государством-участником каких-либо положений Конвенции.